

УДК 070:32

doi 10.17072/2219-3111-2021-3-88-100

Ссылка для цитирования: Резник А. В. Риторика репрезентации гражданской войны в «Известиях» (октябрь 1917 – январь 1918 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3(54). С. 88–100.

РИТОРИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В «ИЗВЕСТИЯХ» (ОКТАБРЬ 1917 – ЯНВАРЬ 1918 Г.)¹

А. В. Резник

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20

areznik@hse.ru

ORCID: 0000-0002-9436-984X

ResearcherID: M-9753-2015

Scopus Author: 57209982424

Целью статьи является поиск ответа на вопрос о значении и специфике бытования понятия «гражданская война» на страницах «Известий Центрального исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» (далее – «Известия») – печатного издания, отражавшего взгляды большевиков и их союзников, – в период с 27 октября 1917 г. до разгона Учредительного собрания – момента, который уместно рассматривать как рубежный на пути к фронтальной гражданской войне. Впервые в рамках кейс-стади реконструируются генеалогия языка гражданской войны и основной репертуар риторических приемов ее репрезентации – того, что именно и в каких условиях можно было публично говорить в связи с данной темой. В статье демонстрируются динамика и контекст языковой «мобилизации» и «демобилизации», когда милитарная, наступательная риторика «Известий» сменялась на мирную, и наоборот. Этому соответствовала частота использования понятия «гражданская война». Язык классовой борьбы и революционной мифологии, в первую очередь Французской революции, составляет основу риторической стратегии «Известий», целью которой была легитимация политики Совета народных комиссаров. Принцип «справедливой гражданской войны», легитимирующий акты насилия, был открыто высказан накануне и в ходе разгона Учредительного собрания. Постоянная критика была направлена не только на «буржуазию», но и на «правые» социалистические партии, на которых возлагалась ответственность за гражданскую войну. Исследуемой исторической ситуации была свойственна семантическая плюрализация термина «гражданская война» (значения «состояния», «условия» и «угрозы»). В заключении статьи предлагается применить к гражданской войне концепт «плавающее означающее» как один из способов сменить привычный угол зрения исследователей.

Ключевые слова: Гражданская война в России, революция 1917 г., «Известия», большевизм, пропаганда, легитимация насилия, Всероссийское учредительное собрание.

Введение

25 октября 1917 г. (по старому стилю) вышел очередной номер газеты «Известия» официального органа власти – Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. На читателя, незнакомого с контекстом происходящего, содержание восьми страниц газеты могло произвести странное впечатление. В статье «Безумная авантюра» сообщалось о начале «большевистского восстания». Авторы обращались к ситуации гражданской войны в связи с несколькими аспектами: «...вопрос продовольствия есть вопрос организации, а кто же может сомневаться в том, что организация неизбежно расстроится при гражданской войне и рухнет совершенно, если в свои руки захватят власть люди, которые никогда в практической государственной работе не принимали участия...»; «со страной, находящейся в состоянии гражданской войны, никто мира заключать не станет»; «но самое ужасное – это то, что большевистское восстание при всякой удаче повело бы к целому ряду гражданских войн...» (Безумная авантюра, 1917, с. 1).

Несмотря на эти и другие сообщения о совершившемся перевороте, основное содержание газеты было отведено выступлениям на последнем заседании Временного совета республики (Предпарламента) 24 октября. Так, в речи левоэсеровского лидера Б. Д. Камкова гражданская война представляла в ином свете: «У нас нет гарантий, что за спиной Временного правительства, а, может быть, и самим Временным правительством не подготавливается контрреволюционный заговор (апл. слева), и, пока этой гарантии нет, гражданская война становится объективно неизбежной» (В Совете Российской республики, 1917, с. 3). Лидер меньшевиков-интернационалистов Ю. О. Мартов сделал еще больший акцент на необходимости «избавить страну от ужасов гражданской войны», обращаясь от лица своей фракции «к демократии с призывом сплотиться для того, чтобы принуждением официальных кругов, управляющих от имени России, вести революционную демократическую власть и этим единственным способом предотвратить гражданскую войну» (Там же, с. 4). В целом, для большинства собравшихся акцент на «единстве демократии» звучал наиболее привлекательно. Неслучайно, что об «угрозе вызывания гражданской войны», подготавливаемом «вооруженном выступлении» прямо говорилось в одной из трех так называемых «формул перехода» (т.е. состава и политики Временного правительства), представленной совместно фракциями народных социалистов, меньшевиков (левых и центра) и левых эсеров на том же заседании, которая и была принята (Там же, с. 5). Когда эсер-оборонец Сизов вышел на трибуну для мотивирования голосования за формулы «правых», он прибегнул к цитированию резолюции совещания представителей земельных комитетов Совета крестьянских депутатов и волостных земских управляющих Петроградского уезда (не путать с Советом крестьянских депутатов, контролировавшимся большевиками и левыми эсерами), в котором «от лица крестьян» звучали не только «протест», но и предостережение: «Гражданская война в настоящий момент поведет только к торжеству реакции <...> В этой войне, если она случится, крестьяне... будут всецело на стороне существующего Временного правительства...» (Там же). Как известно, события 25–26 октября имели иной результат: в ситуации описанной выше «гражданской войны» лозунг «единства демократии» так и остался на бумаге, но и «крестьяне» в решающий момент не оказали большевикам сколь бы то ни было заметного сопротивления. 26 октября «Известия» в последний раз вышли под редакцией приверженцев старого ЦИКа, которые в передовой статье упомянули о «грозящей опасности кровопролитной гражданской войны» (К текущему моменту, 1917, с. 1), предваряя публикацию политических заявлений, в которых говорилось либо об угрозе гражданской войны, либо о ее развитии. Не будет большим преувеличением сказать, что условный читатель «Известий» вступал в новую, советскую эпоху с весьма противоречивыми представлениями о смысле этого понятия.

Что означало понятие «гражданская война»? Какие дискурсивные практики обрамляли его новые значения в политическом языке той эпохи? Можно ли проследить генеалогию термина «гражданская война» на конкретно-историческом отрезке времени? Эти вопросы находятся в сфере широкой проблематики политической культуры революции, однако цели данного исследования ограничиваются задачами реконструкции основного репертуара риторических приемов и семантики ведущих понятий политического языка Гражданской войны в России. Иначе говоря, того, что именно и в каких условиях можно было говорить публично в связи с данной темой на страницах «Известий». Рассматривается период с 27 октября 1917 г. до разгона Учредительного собрания – момента, который уместно рассматривать как рубежный на пути к фронтальной гражданской войне. Таким образом, целью статьи является ответ на вопрос о специфике бытования понятия «гражданская война», для чего основное внимание будет уделено лексическим аспектам текстов, в свою очередь проливающим свет на дискурсивные и социальные практики.

Важность «Известий» в качестве исторического источника лучшим образом сформулировал сам ее редактор Юрий Стеклов, эволюционировавший из революционного оборонца и со-редактора левой социал-демократической газеты «Новая жизнь» в апологета большевиков: «По развитию и росту “Известий” можно в известном смысле судить о развитии русской революции. По мере того, как расширялась социальная база революции, менялись объем, характер и самое название газеты» (Стеклов, 1919а, с. VII). Прочитированный фрагмент Стеклов написал для объемного сборника своих статей, изданного уже в 1919 г. Для многих современников было

понятно, кто скрывался за неизменно анонимными статьями, известными как «стекляшки» или «стекловицы» (в рамках данной статьи авторство статей Стеклова установлено в соответствии с упомянутым сборником). Хотя «Известия» не сразу стали официальным органом советского правительства де-юре. В одной из своих статей, опубликованных в рассматриваемый период, Стеклов с гордостью отвечал на обвинения в адрес газеты: «Да, мы – правительственные публицисты...» (Стеклов, 1919b, с. 251–252). Вызывающее признание спровоцировало острую полемику с публицистами «Новой жизни» (Там же, с. 252–259). Важно, что на рубеже 1917–1918 гг. Стеклов, ставший членом ВЦИК, играл заметную политическую роль. Так, 30 декабря 1917 г. он сделал пространный доклад на заседании Петроградского совета, целью которого была подготовка общественного мнения к разгону Учредительного собрания (Заседание Петроградского совета..., 1918, с. 3–4). Неслучайно, что в советской историографии особым вниманием пользовалась эта сторона деятельности Стеклова под сугубо апологетическим углом зрения [Сергеев, 1983; Стеклов, Филонович, 1976]. Современные специалисты по истории «Известий» склонны ограничиваться дооктябрьским периодом, даже если это касается проблемы созыва Учредительного собрания [Федоров, Стриженный, 2010]. В этом контексте актуальной остается задача заполнения лакун истории советской политической печати и роли таких деятелей, как Стеклов, но при этом необходимо отойти от доминирующей в историографии описательности.

Главный предмет внимания в рамках данной статьи – риторика репрезентации образов Гражданской войны, т.е. практики конструирования идеологического дискурса. История Гражданской войны в такой перспективе еще не написана, хотя Дж. Райан предложил интеллектуальную историю насилия в дискурсе В. И. Ленина [Ryan, 2012], а М. Е. Разиньков дал общий очерк концептуализации Гражданской войны в 1917–1922 гг. [Разиньков, 2017]. Исследователи политической культуры революции 1917 г. Б. И. Колоницкий и К. В. Годунов продемонстрировали на материалах периодической печати, что в дни мятежа Лавра Корнилова «в некоторых текстах кризис воспринимался как уже начавшаяся гражданская война», особенно подчеркнув, что «ощущение гражданской войны, распространявшееся не в последнюю очередь и благодаря высказываниям авторитетных политических деятелей, готовившихся к масштабному силовому противостоянию, оправдывало политическое насилие» [Колоницкий, Годунов, 2021]. Авторы привели немало свидетельств того, что многие большевистские лидеры не боялись гражданской войны. И все-таки в ноябре 1917 – январе 1918 гг. на страницах проправительственного рупора оставалось пространство для неоднозначных толкований этого термина.

Разумеется, значение понятия «гражданская война» в раскрытом, программном виде отнюдь не давалось в каждом номере «Известий», поэтому особый интерес представляют статьи, ставящие это понятие в центр нарратива. Упоминания же его в резолюциях, нередко занимавших целую полосу газеты мелким шрифтом, в данной статье учитываются для понимания контекста. Не менее важно, что обязательным компонентом многих статей была прямая и косвенная полемика с печатными органами эсеров и меньшевиков, в первую очередь с «Делом народа» и «Рабочей газетой». В контексте полемики «Известий» с горьковской «Новой жизнью» показателен пример публикации заметки под говорящим заголовком (Кто зажжет гражданскую войну?, 1917, с. 1). Важно учитывать контекст политической инструментализации революционной мифологии, в первую очередь Французской революции [Bergman, 2019]. Так, в заметке Стеклова «Наши версальцы» критиковалась статья в эсеровской газете «Дело народа», противопоставившей «коммуны» большевиков возвышенному образу Парижской коммуны 1871 г. Автор, для которого дискурс «чистого» и «нечистого» служил маркером буржуазной точки зрения, признавал: «Во время революций, гражданской войны... страсти распаляются, совершаются иногда жестокости...» (Стеклов, 1917, 14 декабря, с. 5). Как будет показано далее, в «Известиях» неоднократно использовался прием исторических аналогий, в том числе в интересующем нас семантическом контексте.

Риторическая «мобилизация» и «демобилизация»

Выпуск «Известий» от 27 октября 1917 г. обозначил не только смену редакции, но и смещение акцентов: гражданская война не упоминалась вовсе, наоборот, первая страница была оформлена в стиле пропагандистской листовки, украшенной жирным заголовком «Декрет о мире». Однако не вопросы войны и мира стали центральными для «Известий». Проблема,

вставшая перед новообразованным правительством большевиков, была схвачена в заметке под характерным заголовком «Кто раскалывает единство демократии?», содержащей примечательный пассаж о языке: «Никогда еще не было такого бесшабашного извращения слов и понятий, пользующихся популярностью в народных массах, как теперь, со времени октябрьской революции. Словами “революционер”, “социалист”, “демократ” так и пестрят столбцы газет, ведущих непримиримую, злобную войну с Советской властью...» (Кто раскалывает..., 1917, с. 3).

В переводе с партийного языка важность «популярных слов и понятий» отражала практики борьбы за власть в рамках «культурной гегемонии социалистов» [Колоницкий, 2017]. Дискуссии об однородном социалистическом правительстве обозначали в том числе приспособление языка гегемонии социалистов к нуждам большевистского правительства. Так, 28 октября 1917 г. вышла статья, в которой перед сторонниками «сильной демократической власти» – коалиции социалистических партий с преобладающей ролью меньшевиков и эсеров – была поставлена альтернатива: «либо поддержать революционный порядок и приступить к делу революционного строительства, либо ввергнуть Россию в омут гражданской войны, анархии, грабежей, разбоев и, быть может, уготовить путь к власти черносотенным элементам» (От разговоров к делу, 1917, с. 7). Неудивительно, что передовая статья в номере от 1 ноября излагала точку зрения сторонников однородного социалистического правительства в среде большевиков (Стеклов, 1917, 1 ноября, с. 1). Хотя газета не стала площадкой для дискуссий, в ней отразились споры внутри большевистского руководства [Рабинович, 2008, с. 45–92].

Любопытно, что вначале на страницах «Известий» освещение боевых столкновений советской власти с верными Керенскому войсками сопровождалось упоминанием анархии (что перекликалось с критикой большевизма и до, и после Октября), но не гражданской войны (Известия, 1917, 29 октября; 31 октября). Последняя фигурировала в единичных из опубликованных резолюций. Так, если в резолюции общего собрания солдат и офицеров запасного воздухоплавательного батальона от 30 октября речь шла о мерах «для прекращения гражданской войны» (Известия, 1917, 1 ноября, с. 8), что могло отражать амбивалентное отношение к власти, то общее собрание 9-го запасного кавалерийского полка тогда же вынесло более определенное постановление: «Уход правых социалистов со Съезда внес раскол в лагерь трудовой демократии и создал возможность братоубийственной гражданской войны» (Известия, 1917, 31 октября, с. 6). Порой на страницы «Известий» проникали свидетельства большей обеспокоенности положением дел, в первую очередь в репортаже о заседании ВЦИК 30 октября, включавшем обстоятельное заявление Викжеля, в котором борьба в Москве трижды именовалась «гражданской войной» (Заседание..., 1917, 31 октября, с. 7).

Риторический сдвиг в сторону репрезентации гражданской войны в эксплицитной форме датируется 1 ноября 1917 г. и связан с публикацией двух анонимных заметок, полемизирующих с прессой умеренных социалистов. В первой из них, посвященной обоснованию цензуры, прозвучал тезис о «состоянии войны» новой власти с ее противниками: «Защитники свободы забывают об одном, что революционная власть родилась на свет в обстановке гражданской войны, – войны, начатой пресловутыми “живыми силами”, т.е. помещиками и капиталистами...» (Гражданская война и военная цензура, 1917, с. 5). Во второй говорилось, что «правые» эсеры и «правые» меньшевики «ответственны за гражданскую войну» (Наглый обман, 1917, с. 7). Речь еще не шла о дискурсивном объединении разных типов врагов, но в упоминавшейся выше передовой статье от 1 ноября, служившей задаче борьбы за гегемонию среди «демократии», уже прямо звучало обвинение «части демократии» в объявлении «войны» большевикам (Стеклов, 1917, 1 ноября, с. 1). «Пусть продолжается гражданская война! Пусть льется братская кровь...», – адресовал свой укор «демократии» автор статьи, критиковавший «торг» вокруг мест в правительстве (Торг, 1917, с. 2). В одной из статей была подвергнута критике группа «Единство», располагавшаяся на правом фланге социал-демократии: «Эти люди называют себя оборонцами, говорят, что их главная задача добиться победы над внешним врагом... И во имя этого они призывают к гражданской войне внутри страны, к восстанию против единственного законного правительства – советской власти» (Оборонцы или пораженцы, 1917, с. 2). Называя оппонентов «мнимыми оборонцами» и «пораженцами», автор, во-первых, апроприирует оборонческую риторику (логическим завершением чего впоследствии станет декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности» от 21 февраля 1918 г.), а во-вторых, смещает акцент причинности

событий, уравнивая «восстания» против большевистского правительства с «гражданской войной», т.е. опять же апроприрует антибольшевистскую риторику.

Если судить по содержанию резолюций и приветствий, опубликованных в «Известиях» в начале ноября, то лишь малая доля из них содержала рассмотренные выше безапелляционные обвинения в адрес умеренных социалистов, однако в унисон с призывами большевиков «беспощадно бороться с контрреволюцией», риторика становилась все более воинственной (Известия, 1917, 2 ноября; 3 ноября). Например, краткий текст резолюции одной из запасных частей гласил: «Всю власть Советам, которую мы будем поддерживать до последней возможности, посягающим же на таковую мы объявляем беспощадную войну, дорогу туда буржуазные элемент смогут проложить только через наши трупы» (Резолюции..., 1917, с. 7). Опираясь на предшествующую традицию патриотической, революционно-оборонческой мобилизации 1917 г., милитарная риторика начала звучать все громче по мере интенсификации военно-политических конфликтов.

Наконец, 5 ноября на первой странице «Известий» была опубликована статья «Террор и гражданская война», автор которой (если это был Стеклов, то он предпочел не включать статью в упомянутый выше сборник) пошел дальше простой констатации развернувшейся гражданской войны: «...на известной ступени революции классовая борьба неизбежно переходит в гражданскую войну... Мы должны понять, что гражданская война не является чем-то случайным, вызванным тактикой какой-либо политической партии, например, партии большевиков. Кровавые столкновения вызваны отнюдь не этой партией, их причина лежит в нежелании буржуазии отказаться от своей экономической мощи и политического господства, в резком противоречии между ее интересами и интересами громадного большинства народа» (Террор и гражданская война, 1917, с. 1).

Язык аргументации здесь берет свое начало из авторитетного источника – теории классовой борьбы, но автор также адаптирует афоризм Клаузевица («Война – это продолжение политики иными средствами») для концептуализации гражданской войны как «продолжения классовой борьбы, протекающей обычно в легальных формах... но только иными средствами, путем применения материальной силы». Апология «классовой» власти, насилия и диктатуры раскрывается в полемике с обвинениями в «ограничении свобод» и требованием «прекращения террора» и приводит к ранее не звучавшей формулировке: «гражданская война» и «террор» (автор сам ставит термины в кавычки) – это «синонимы». В статье акцентировались и более конкретные политические выводы: «Рабоче-крестьянская революция находится в состоянии открытой войны с коалицией цензовиков и соглашателей», следовательно, в этой войне «невозможно быть нейтральным» (Там же). Прагматика статьи предполагала мобилизовать адресатов в лице условных сторонников компромисса для защиты власти, ведь, как могли узнать они из следовавшей ниже статьи, «провокаторы продолжают свое гнусное дело и призывают к продолжению кровопролития». Иллюстрацией этому послужил фрагмент из статьи меньшевика-оборонца С. Ивановича «Либералы революции» (Иванович, 1917, с. 1), в которой тот, призывая к свержению «диктатуры Ленина», де-факто указывал на отсутствие «третьего пути» как альтернативы «братоубийственной резне» (Кто разжигает..., 1917, с. 2). Автор «Известий» связал факты публикации статьи С. Ивановича и воззвания Комитета спасения Родины и революции в газете «Друг народа», разграничив пространства революции и ее «врагов».

Статьи в «Известиях» прямо или косвенно популяризировали взгляды, высказанные Троцким. Так, на заседании Петросвета 3 ноября он вкратце коснулся проблемы: «В гражданской войне никогда не повинны угнетенные массы, которые стремятся к свободе, виновна буржуазия, целью которой является угнетение... Гражданская война уничтожает ценности, но гражданская война несет свободу и потому – да здравствует гражданская война!» (Петроградский совет..., 1917, с. 6).

Несмотря на краткость, Троцкий придавал теме лозунговый характер, впрочем, в такой провокативной и откровенной форме он больше не звучал. На следующий день, во время острых дебатов на заседании ВЦИК по вопросу о цензуре, Троцкий, полемизируя в том числе и с недовольными однопартийцами, прибег в своей аргументации к своеобразной рекурсии образа гражданской войны, когда все частные вопросы риторически возвращаются к исходной точке и замыкаются на ней: «Требование устранения всех репрессий в момент гражданской войны

означает требование прекращения гражданской войны. Такое требование может исходить или от противников пролетариата, или от сторонников этой противоположной стороны. Противники, с которыми идет гражданская война, мира нам не предлагают. Я утверждаю, что никто не может дать нам гарантии за сторонников Корнилова. В условиях гражданской войны запрещенная других газет есть мера законная» (Заседание..., 1917, 5 ноября, с. 4).

Однако Ленин в последовавшей полемике с левыми эсерами, в целом будучи солидарным с Троцким, подчеркнул: «Мы не хотим гражданской войны... Мы против гражданской войны» (Заседание... (окончание), 1917, с. 3). Приведенный фрагмент речи Ленина был опубликован в выпуске «Известий» от 7 ноября, в передовой статье которого главный редактор отвечал на вопрос о виновниках срыва переговоров об однородном социалистическом правительстве. Понятие «гражданская война» употреблялось в знакомом контексте аргументации: она констатировалась как данность, ей содействовали социалисты, а меры большевиков презентовались как вынужденные и реактивные (Стеклов, 1917, 7 ноября, с. 1). Дополняя свою статью несколькими днями позже, Стеклов ограничился термином «гражданская усобица» (Стеклов, 1917, 9 ноября, с. 2). Семантическая насыщенность словосочетания «гражданская война» колебалась, но рассмотренный выше репертуар аргументации, несмотря на свою внутреннюю противоречивость, уверенно закреплялся.

Новый всплеск борьбы на риторическом уровне нашел выражение в статье Стеклова в «Известиях» от 10 ноября. Политическая семантика текста задавалась первыми строками: «Сорвав соглашение, правые эсеры и меньшевики явно показали, что они намереваются продолжать гражданскую войну...» (Стеклов, 1917, 10 ноября, с. 3). Они были названы «разжигателями» и «зачинщиками новой гражданской войны», действия которых «ведут к новой ужасной вспышке гражданской войны» (Там же). Эта статья вполне могла бы занять место передовой, если бы первая страница не была отдана под срочные политические телеграммы и обращения, связанные с кризисом в Ставке Верховного главнокомандующего и уверениями в проведении выборов в Учредительное собрание в срок. Содержание следующих выпусков (10–25 ноября) заметно изменилось в сторону освещения предпринимаемых советским правительством усилий по реализации «Декрета о мире» и нередко упоминавшихся в подчеркнуто мирной риторике выборов в Учредительное собрание. Упоминания о гражданской войне встречались, особенно в статьях Стеклова или даже в выступлениях делегатов 2-го Всероссийского съезда крестьянских депутатов, но в целом они не несли мобилизующего заряда. Даже приказ нового Главковерха Крыленко от 13 ноября, в котором смещенный им предшественник обвинялся в «преступных действиях, ведущих к новому взрыву гражданской войны», терялся в ряду других материалов информативного свойства. Словосочетание «гражданская война» служило подспорьем для аргументации, но не ее центральным знаком. На время утвердилась своеобразная языковая «демобилизация».

Как и прежде, главным референтом текстов о гражданской войне были умеренные социалисты, в особенности газета «Дело народа», позиция редакции которой зачастую освещалась довольно подробно. Показательна статья Стеклова «Конец гражданской войны», в которой автор полемизирует с «Делом народа» по вопросу о гражданской войне в контексте проправительственного Съезда крестьянских депутатов и роспуска Петроградской думы (Стеклов, 1917, 19 ноября, с. 1). Важно при этом, что «Известия» в целом продолжали выполнять информационную функцию, озвучивая не только позицию оппонентов, которая могла звучать в выгодном свете, но и левозеровскую ретроспективную (дружественную) критику действий большевиков по захвату власти (Съезд левых эсеров, 1917, 24 ноября; 25 ноября). Возможно, наибольшую гибкость редакция «Известий» проявила, поместив резолюцию Викжеля о признании нового состава ВЦИК. Она содержала неоднократные упоминания о гражданской войне в невыгодном для большевиков свете, хотя эта публикация сопровождалась пробольшевистским «манифестом», иронизирующим над «пышными фразами [Викжеля] о прекращении гражданской войны и святости революции» (Манифест..., 1917, с. 3–4).

На пути к «единственно справедливой войне»

Противоречие между мирной и военной риторикой обнажилось в выпуске от 25 ноября 1917 г. С одной стороны, первую страницу номера украшал большой заголовок статьи «Борьба за мир», с другой – в статье Стеклова «Новый Идол» отчетливо прозвучала угроза ро-

спуска Учредительного собрания (*Стеклов*, 1917, 25 ноября, с. 4). Днем ранее вышла статья «Русская Вандея», в которой сообщалось, что «на Дон тянутся представители контрреволюционной буржуазии, готовя разжигание гражданской войны» (*Русская Вандея*, 1917, с. 4). В обращении Совета народных комиссаров (СНК) к населению в связи с событиями на Дону и Урале также упоминались «надежды» кадетов «изнутри Учредительного собрания прийти на помощь своим генералам». Таким образом, понятия контрреволюционного восстания и заговора связывались воедино, воспроизводя образ гражданской войны как данности (*Ко всему населению*, 1917, с. 1). Содержание обращения СНК раскрывалось в заметке «На юге России». Передавая смысл антибольшевистской мобилизации на Дону, автор развивает уже известную читателям аргументацию, направленную против непоследовательности правых социалистов: «Контрреволюционеры ставят точки над і. Они не говорят жалких слов о законности, об Учредительном Собрании, – они прямо апеллируют к “вооруженной силе”, иначе говоря, *держат курс на гражданскую войну*» (*На юге России*, 1917, с. 6). В этом контексте Стеклов презентовал правых социалистов в «списке печальников Учредительного собрания, плачущихся по поводу злостных намерений большевиков его “разогнать”...» (*Стеклов*, 1917, 27 ноября, с. 1). В следующем номере уже громко звучала милитарная риторика не только против «мятежа контрреволюционных генералов», но и против «правого блока», мобилизующего силы в защиту Учредительного собрания на митинги и демонстрации 28 ноября (*К Учредительному собранию*, 1917, с. 2).

В тот же вечер СНК принял краткий «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции» – первый официальный документ правительства за авторством Ленина, содержащий само понятие «гражданская война». Арест лидеров кадетов разъяснялся в правительственном сообщении. Его особенностями стало использование понятий «прямая гражданская война» и «контрреволюционная гражданская война», а также слова «мятеж» в качестве синонима последнего. Характерно, что и в данном контексте не терял актуальность устойчивый прием: «Да здравствует мир!» (*Ко всем трудящимся и эксплуатируемым*, 1917, с. 1). Этим лозунгом завершался текст сообщения СНК, нацеленного на мобилизацию борьбы с врагами.

Таким образом, «Изнестия» неслучайно переключились на ведение хроник боевых действий на внутреннем фронте. На передовой, под очередной такой хроникой, набранной крупным шрифтом на первой странице, была опубликована статья, вновь транслирующая тезис о том, что гражданскую войну начали «помещики и капиталисты», а правительство лишь осуществляет «необходимые меры по самообороне революции» (*Революционная самооборона*, 1917, с. 1). В опубликованной там же статье о противопоставлении Учредительного собрания советской власти прозвучал тезис о том, что «контрреволюционеры» своими действиями «делают гражданскую войну хроническим явлением» (*Стеклов*, 1917, 1 декабря, с. 1–2). Та же мысль развивалась в других статьях, в том числе передовых (*Вокруг Учредительного собрания*, 1917, с. 1). Согласно репортажу о публичном докладе Федора Раскольникова, состоявшемся в начале декабря в Петрограде, отвечая «на вопросы, почему Советская власть не разделяется с все наглежащей буржуазией», докладчик, указав на декрет СНК, сказал, что «против всех, поднимающих гражданскую войну... будут приняты самые решительные и беспощадные меры» (*На аванпостах...*, 1917, с. 9–10).

Тезис о том, что правые социалисты ведут гражданскую войну, прозвучал в начале ноября, но через месяц Стеклов уже сам оспаривал положение о том, что «гражданская война идет якобы между двумя частями революционной демократии», а не между классами как таковыми. По мнению редактора, «эту бесчестную игру словами мы уже не раз видали в истории гражданских войн». Высказанный в статье тезис имел программный характер: «И разве не характерно, что буржуазия скрылась с арены, предоставив одним меньшевикам и правым эсерам вести гражданскую войну против пролетариата и крестьянства? Это прямой политический расчет... Зачем же подлинной буржуазии лезть в драку, когда гражданскую войну против трудящихся так усердно ведут люди, с которых еще не сорван социалистический ярлык?» (*Стеклов*, 1917, 6 декабря, с. 2). 9 декабря Стеклов указал на цель правых эсеров – «подготовить почву для обострения гражданской войны против Советской власти» (*Стеклов*, 1917, 9 декабря, с. 3). 15 декабря вышла статья «Буржуазия и Учредительное собрание», в которой прозвучало обвинение «буржуазии» в том, что «гражданскую войну против пролетариата и крестьянства ведет

именно она (при поддержке более слабых меньшевиков)» (Стеклов, 1917, 15 декабря, с. 2–3). Примечательно, что и в этой смысловой конструкции ключевым референтом выступают социалисты, а вполне конкретные политические силы несоциалистического толка риторически помещаются на задний план. В статье от 30 декабря, полемизируя со статьей из «Дела народа», Стеклов писал: «До сих пор вы изображали все эти бунты и мятежи реакционеров как ответ “трудового” населения на “большевистские” насилия; теперь же вы прямо признали, что ведется эта гражданская война (с вашей благосклонной помощью) против “коммунистических затей”, т.е. против социализма...» (Стеклов, 1917а, 30 декабря, с. 1). В размещенном рядом обзоре печати, под заголовком «Фанатики гражданской войны», говорилось о тщетности «стараний лицемерных проповедников гражданского мира из “Дела народа” возжечь гражданскую войну» (Стеклов, 1917b, 30 декабря, с. 1). 20 декабря кризис на мирных переговорах в Брест-Литовске и угроза возобновления войны вышли на передний план. Но через два дня была опубликована передовая статья, завершавшаяся вызывающим обращением к эсерам: «Мы назначаем вам свидание на предстоящих съездах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Там мы окончательно сведем наши счеты» (Стеклов, 1917, 22 декабря, с. 1). Через несколько дней вышла статья под говорящим заголовком «О войне внешней и о войне внутренней», в которой риторическая легитимация «войны не на жизнь, а на смерть» укреплялась ссылками на цитаты из Евангелия, поэмы Рылеева и на следующие строки из некоей «известной французской песенки»: «Единственно справедливая война – это война против наших угнетателей...» (О войне..., 1917, с. 1). Так, принцип *jus bellum justum* здесь открыто был связан с гражданской войной.

Термин «гражданская война» на страницах «Известий» все чаще употреблялся в контексте информирования о повседневной политике. Например, обсуждая продовольственный кризис, большевик Д. З. Мануильский на заседании Петроградской думы сказал: «Мы являемся... свидетелями страшного преступления, которое слишком необычного даже для состояния той внутренней гражданской войны, которую буржуазия нам объявила. Во время войны, по установленным традициям, шадят беззащитных... Но в этой войне пощады не знают» (В городской думе, 1917, с. 8). На совещании с представителями банков 14 декабря В. Р. Менжинский кратко обосновал принятые меры по национализации тем, что «банки приняли в гражданской войне определенную сторону» (Вопрос о банках, 1917, с. 8). Наконец, Зиновьев на одном из заседаний обратился к еще не растраченному символическому ресурсу – памяти об Апрельской демонстрации – первом значительном политическом кризисе после Февральской революции: «Говорят, большевики повинны в гражданской войне, но вспомните, товарищи, апрельские дни...» (Съезд железнодорожников, 1917, с. 9–10). В подобных случаях гражданская война служила означающим для целого ряда явлений, интерпретация которых была связана с легитимацией насилия.

«Гражданская война продолжается...»

Первый выпуск «Известий» за 1918 г. открывался передовой статьей, построенной на полемике с заявлением правых эсеров, опубликованном в «Деле народа». Стеклов процитировал фрагмент, в котором большевикам была поставлена в вину «гражданская междоусобица», но сам предпочел лишь вскользь коснуться этой темы (Стеклов, 1918, 3 января, с. 1). Однако уже в статье, освещавшей ход революции в ушедшем году, он провозгласил: «Гражданская война продолжается, и под ее знаком мы вступаем в новый 1918 год» (Ход революции, 1918, с. 1). Статья, опубликованная в номере от 5 января, в день открытия Учредительного собрания, оспаривала само по себе представление об этом дне как о «решительном». Хотя «столкновение программ» разных классов на собрании станет «столкновением не на живот, а на смерть», подлинными решающими днями станут советские съезды, в случае неподчинения воли которых, как грозно предостерегал автор, «последуют и другие решительные дни открытого соизмерения сил обоих лагерей». Автор сомневался, что «враги октябрьской революции» пойдут на «этот открытый бой» (Стеклов, 1918, 5 января, с. 1). Однако в размещенной следом заметке краски сгущались. Уже последний выпуск «Известий» за 1917 г. содержал экспрессивное обоснование насилия: «Революционная эпоха требует исключительных мер. Это понимали великие буржуазные революционеры конца XVIII в. во Франции. Это понимают и пролетарские революционеры России» (Кто применял террор?, 1917, с. 1). Но в заметке от 5 января автор, провозгласив, что «соглашатели» зовут «к вооруженной борьбе не на жизнь, а на смерть», угрожал тем, что у

Советов «найдутся достаточные силы, чтобы раздавить своих врагов» и «революция обратит против своих врагов те же самые насильственные средства, которые они направляют против нее». Заключение заметки уместно процитировать целиком: «На совещании между жирондистом Гадэ и Дантоном, 15 марта 1793 года. Гадэ вскричал: “Война – и пусть одна из партий погибнет!” Дантон взял Гадэ за руку и сказал ему: “Ты хочешь войны и ты получишь смерть” (курсив наш. – А. Р.). Этими словами “величайшего мастера революционной тактики”, как назвал Дантона Маркс, мы ответим всем врагам революции» (Грядущие дни, 1918, с. 1).

В день выхода указанной выше статьи было открыто Учредительное собрание («Известия» оперативно публиковали выступления 6 января), а на следующее утро оно было распущено. На его единственном заседании термин «гражданская война» особенно настойчиво звучал из уст меньшевистского лидера И. Церетели, но большой резонанс имели эксцессы стрельбы по демонстрантам 5 января. Редактор «Известий» в своем отклике на роспуск Учредительного собрания метафорически диагностировал его «самоубийство» и «смерть» (Стеклов, 1918, 7 января, с. 1), но в следующем номере передовая статья содержала отклик на стрельбу по демонстрантам: «К сожалению, ни одна гражданская война не обходится без таких жертв. В свое время и во Франции, и в Германии, и в других странах во время гражданских междоусобиц рабочим и солдатам приходилось поднимать оружие против рабочих же и солдат. И у нас, во время революционных вспышек и теперь во время поднятой контрреволюционерами гражданской войны приходится стрелять в людей, принадлежавших к трудовым классам, но увлеченных буржуазией на путь борьбы со своими братьями...» (Стеклов, 1918, 9 января, с. 1).

Вновь прибегая к примерам из истории, Стеклов впервые настолько ясно выразил формулу гражданской войны «внутри демократии». Однако в контексте риторики классовой борьбы предстает несколько парадоксальным, что гораздо больше места Стеклов уделит резонансному самосуду над кадетскими лидерами Ф. Ф. Кокосхиным и А. И. Шингаревым в статьях под характерными заголовками «Остановитесь!» и «Черное дело».

Заключение

Возвращаясь к фигуре воображаемого читателя «Известий», уместно задаться вопросом: могла ли гражданская война как понятие обрести более ясные значения в начале 1918 г., чем мы обнаружили накануне Октября? При всей условности и ретроспективности подобной постановки вопроса ответ не может быть однозначным. С одной стороны, в целом семантическая насыщенность газеты «Известия» понятием «гражданская война» возросла: словосочетание звучало все чаще и разнообразнее, а отдельные передовые статьи вовсе представляли собой концептуальные нарративы, с претензией на теорию, открыто легитимирующие не только смыслы, но и практики насилия. Иначе говоря, принцип *jus bellum justum* звучал вполне определенно. С другой стороны, интенсивность и насыщенность использования данного термина в аргументации сильно колебалась, соответствуя взрывообразной динамике политических конфликтов. Так, выражение «гражданская война» чаще и яснее использовалось в период контратаки сторонников Временного правительства и последовавшей «контрреволюционной гражданской войны» на Дону и Урале, дискуссий вокруг однородного социалистического правительства и отношения к Учредительному собранию. И, наоборот, данное словосочетание могло почти совсем не упоминаться, как это произошло в ноябре во время избирательной агитации и освещения мирных переговоров в Брест-Литовске. Соответственно, коннотация термина могла меняться с позитивной на негативную, в зависимости от прагматики употребления. Наконец, не было полной ясности по вопросу о событийном измерении гражданских войн как таковых, иначе говоря, где и когда они начинались и заканчивались; важнее было риторическое фиксирование их состояния и условий.

Отмеченная «демобилизация» политического языка в ноябре 1917 г. перекликается с аргументацией Ленина, озвученной им в апреле, о причинах временного отказа от «лозунга превращения империалистической войны в гражданскую». Дело не только в контексте курса классовой борьбы, ожиданий мировой революции или в политическом прагматизме Ленина и его единомышленников, но и в своеобразной плюрализации значений термина «гражданская война». Полемика «правительственных публицистов» на страницах «Известий», и Стеклова в первую очередь, пестрила цитатами из антибольшевистской печати, луч-

шим образом иллюстрировала коммуникативную ситуацию, в которой множественность значений понятия «гражданская война» упрощала «впитывание» соответствующей семантики в политический язык и дискурсивные практики одной из центральных газет советской власти. Данная гипотеза в перспективе должна быть рассмотрена в сравнительном контексте, в первую очередь сопоставлена с главными большевистскими и антибольшевистскими газетами.

Нуждается в обновлении и концептуальной инструментарий дальнейших исследований. В целом, на первый взгляд, описываемая в статье ситуация ближе всего соответствует понятию Юргена Хабермаса – «систематически искаженная коммуникация», – с помощью которого философ описал специфическую разновидность «социального действия», акторы которого считают свои действия «коммуникативными» (нацеленными на понимание), в то время как на самом деле они используют других акторов в качестве средств для достижения цели (т.е. действуют «стратегически»); в итоге, что самое важное, складывается ситуация бессознательной манипуляции [Habermas, 1987, с. 328–337]. Впрочем, нормативная теория общества Хабермаса едва ли способна схватить все многообразие культурных кодов коммуникации, успех расшифровки которых связан с контекстуализацией смыслов и значений. Представляется, что в случае с понятием «гражданская война» актуален концепт «плавающее означающее» (*floating signifier*), адаптированный Эрнесто Лакло для анализа проблем дискурсивных практик борьбы за культурную гегемонию, в частности в ситуации, когда смысл различных означающих становится «подвешенным». Философ отмечал, что «плавающее» изменение означающего становится «наиболее заметным в периодах органического кризиса, когда символическая система нуждается в радикальной переделке» [Laclau, 2005, р. 132]. Перенастройка исследовательской оптики открывает новые перспективы для реконструкции смыслового ландшафта Гражданской войны.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

Список источников

- Безумная авантюра // Известия. 1917. 25 октября.
В городской думе. Заседание 13 декабря // Известия. 1917. 15 декабря.
В Совете Российской республики // Известия. 1917. 25 октября.
Вокруг Учредительного собрания // Известия. 1917. 2 декабря.
Вопрос о банках // Известия. 1917. 16 декабря.
Гражданская война и военная цензура // Известия. 1917. 1 ноября.
Грядущие дни // Известия. 1918. 5 января.
Заседание Центр. Исполнит. Комитета С.Р. и С.Д. // Известия. 1918. 3 января.
Заседание Центр. Исполнит. Комитета С.Р. и С.Д. (окончание) // Известия. 1917. 7 ноября.
Заседание Центр. Исполнит. Комитета С.Р. и С.Д. // Известия. 1917. 5 ноября.
Заседание Центр. Исполнит. Комитета С.Р. и С.Д. // Известия. 1917. 31 октября.
Иванович С. Либералы революции // Друг народа. 1917. 4 ноября.
Известия. 1917. 29 октября; 31 октября; 1 ноября; 2 ноября; 3 ноября.
К Учредительному собранию // Известия. 1917. 28 ноября.
Ко всему населению // Известия. 1917. 26 ноября.
К текущему моменту // Известия. 1917. 26 октября.
Ко всем трудящимся и эксплуатируемым // Известия. 1917. 29 ноября.
Кто зажжет гражданскую войну? // Известия. 1917. 2 декабря.
Кто применял террор? // Известия. 1917. 31 декабря.
Кто разжигает гражданскую войну? // Известия. 1917. 5 ноября.
Кто раскалывает единство демократии? // Известия. 1917. 5 ноября.
Манифест ко всем железнодорожникам // Известия. 1917. 27 ноября.
На аванпостах октябрьской революции (публичный доклад тов. Раскольников) // Известия. 1917. 8 декабря.

- На юге России // Известия. 1917. 26 ноября.
Наглый обман // Известия. 1917. 1 ноября.
О войне внешней и о войне внутренней // Известия. 1917. 24 декабря.
Оборонцы или пораженцы // Известия. 1917. 4 ноября.
От разговоров к делу // Известия. 1917. 28 октября.
Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов // Известия. 1917. 4 ноября.
Революционная самооборона // Известия. 1917. 1 декабря.
Резолюции войсковых частей // Известия. 1917. 4 ноября.
Русская Вандея // Известия. 1917. 24 ноября.
Стеклов Ю. Буржуазия и Учредительное собрание // Известия. 1917. 15 декабря.
Стеклов Ю. Гражданская война // Известия. 1917. 6 декабря.
Стеклов Ю. Год борьбы за социальную революцию (25-е октября 1917 года – 25-е октября 1918 года). Ч. 1. Советская власть и ее принципы; Съезды Советов и Учредительное собрание; Мировой империализм и Советская Россия. М.: Изд-во Всерос. Центр. Исполн. ком. Советов Р., С., К. и Каз. депутатов, 1919а. 454 с.
Стеклов Ю. Год борьбы за социальную революцию (25-е октября 1917 года – 25-е октября 1918 года). Ч. 2. Социал-предатели; Меньшевики; Правые эс-эры; Бесхребетные элементы; Левые эс-эры; Буржуазия. М.: Изд-во Всерос. Центр. Исполн. ком. Советов Р., С., К. и Каз. депутатов, 1919б. 404 с.
Стеклов Ю. Еще раз: кто сорвал соглашение // Известия. 1917. 9 ноября.
Стеклов Ю. Задачи Учредительного собрания // Известия. 1917а. 30 декабря.
Стеклов Ю. Фанатики гражданской войны // Известия. 1917б. 30 декабря.
Стеклов Ю. Какой должна быть революционная власть // Известия. 1917. 1 ноября.
Стеклов Ю. Конец гражданской войны // Известия. 1917. 19 ноября.
Стеклов Ю. Кто виноват? // Известия. 1918. 9 января.
Стеклов Ю. Кто сорвал соглашение? // Известия. 1917. 7 ноября.
Стеклов Ю. Наши версальцы // Известия. 1917. 14 декабря.
Стеклов Ю. Нашим добром, да нам же челом // Известия. 1918. 3 января.
Стеклов Ю. Новый заговор против революции // Известия. 1917. 10 ноября.
Стеклов Ю. Новый Идол // Известия. 1917. 25 ноября.
Стеклов Ю. Подозрительные друзья // Известия. 1917. 27 ноября.
Стеклов Ю. Правозэсеровский дух лжет за двух // Известия. 1917. 9 декабря.
Стеклов Ю. Решительный день // Известия. 1918. 5 января.
Стеклов Ю. Самоубийство Учредительного собрания // Известия. 1918. 7 января.
Стеклов Ю. Учредительное собрание и советская власть // Известия. 1917. 1 декабря.
Стеклов Ю. Учредительное собрание и трудовой народ // Известия. 1917. 22 декабря.
Съезд железнодорожников (продолжение заседания 13 декабря) // Известия. 1917. 16 декабря.
Съезд левых эсеров // Известия. 1917. 24 ноября.
Съезд левых эсеров // Известия. 1917. 25 ноября.
Террор и гражданская война // Известия. 1917. 5 ноября.
Торг // Известия. 1917. 3 ноября.
Ход революции в 1917 // Известия. 1918. 4 января.

Библиографический список

- Колоницкий Б.И. Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 года // Неприкосновенный запас. 2017. № 116. С. 72–87.
Колоницкий Б.И., Годунов К.В. «Корниловщина» как «гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса // Вестник Перм. ун-та. История. 2021. № 3. С. 78–87.
Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М.: АИРО-XXI; Новый хронограф, 2008. 622 с.
Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 3–15.
Сергеев А.И. Роль партийно-советской печати в идейно-политической борьбе с мелкобуржуазными партиями (ноябрь 1917–1920 г.). Л., 1983. 161 с.

- Стеклов В.Ю., Филонович Ю.К. Юрий Михайлович Стеклов. М.: Мысль, 1976. 104 с.
- Федоров М.В., Стриженный В.А. «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и созыв Учредительного собрания // Научные труды. 2010. № 15. С. 137–150.
- Bergman J. *The French Revolutionary Tradition in Russian and Soviet Politics, Political Thought, and Culture*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 543 p.
- Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Vol. 2. *Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason*. Boston: Beacon Press, 1987. 457 p.
- Laclau E. *On Populist Reason*. London; New York: Verso, 2005. 276 p.
- Ryan J. *Lenin's Terror: The Ideological Origins of Early Soviet State Violence*. London; New York: Routledge, 2012. 284 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 06.07.2021

REPRESENTATION RHETORIC OF THE CIVIL WAR IN “IZVESTIA” (OCTOBER 1917 – JANUARY 1918)

A. V. Reznik

National Research University "Higher School of Economics", Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russia
areznik@hse.ru

ORCID: 0000-0002-9436-984X

ResearcherID: M-9753-2015

Scopus Author: 57209982424

The aim of the article is to address the question of the meaning and the specificity of the concept of the "civil war" in *Izvestia of the Central Executive Committee and the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies*, a newspaper which reflected the views of the Bolsheviks and their allies. This case study examines the genealogy of the language of the civil war from October 27th, 1917 to the dissolution of the Constituent Assembly, a momentous event on the path to the frontal Civil War. The article reconstructs a basic repertoire of the rhetorical techniques of representation, revealing what could be said in public about the civil war and under what conditions. It demonstrates the dynamics and the contexts of rhetorical "mobilization" and "demobilization", when the militaristic rhetoric of *Izvestia* switched to peaceful, and vice versa, correspondingly to the usage frequency of the term "civil war". The language of class struggle, and revolutionary mythology, especially that of the French Revolution, constituted the basis of *Izvestia's* rhetorical strategy aimed at legitimizing the policy of the Council of People's Commissars. The concept of the "civil war" had multiple meanings in *Izvestia* denoting a "condition", a "circumstance", and a "threat", in different circumstances, related to past, current, and future events. It is shown that constant criticism was levelled not only at the bourgeoisie, but also at the so-called right-wing socialist parties, which were held responsible for the civil war. The civil war was semantically designated in the past, present, and future tenses. The principle of a "just civil war" was explicitly expressed on the eve of convocation and during the dissolution of the Constituent Assembly, justifying the acts of violence. The article concludes that the concept of floating signifier can be applied to the civil war as a means of refocusing the research into the issue of political communication.

Key words: Russian civil war, the 1917 revolution, *Izvestiya*, Bolshevism, propaganda, violence legitimization, Russian Constituent assembly.

Acknowledgments

¹ This article was written during research undertaken with financial support from the Russian Science Foundation, project number 20-18-00369, 'Processes of the Legitimation of Violence: Culture of Conflict in Russia and the Escalation of the Civil War'.

References

- Bergman, J. (2019), *The French Revolutionary Tradition in Russian and Soviet Politics, Political Thought, and Culture*, Oxford University Press, Oxford, UK, 2019, 568 p.
- Fedorov, M.V. & V.A. Strizhennyy (2010), "«Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и созыв Учредительного собрания", *Nauchnye Trudy*, № 15, pp. 137–150.
- Habermas, J. (1987), *Lifeworld and system. A critique of functionalist reason. The theory of communicative action*, Vol. 2, Beacon Press, Boston, USA, 1987, 457 p.
- Kolonitskii, B.I. (2017), "Cultural hegemony of socialists in the Russian Revolution of 1917", *Neprikosnovennyi zapas*, № 116, pp. 72–87.

- Kolonitskii, B.I. & K.V. Godunov (2021), “«Kornilovshchina» as a «civil war»: the application of the concept in the context of a political crisis”, *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*, № 3, pp. 78-87.
- Laclau, E. (2005), *On Populist Reason*, Verso, London; New York, UK – USA, 276 p.
- Rabinovich, A. (2008), *Bol'sheviki u vlasti. Pervyy god sovetskoy epokhi v Petrograde* [The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd], AIRO-XXI; Novyy khronograf, Moscow, Russia, 622 p.
- Razinkov, M.E. (2017), “War of interpretations: the concept of the ‘civil war’ in Russian political consciousness in 1917–1922”, *Voprosy istorii*, № 10, p. 3–15.
- Ryan, J. (2012), *Lenin's Terror: The Ideological Origins of Early Soviet State Violence*, Routledge, London; New York, UK – USA, 284 p.
- Sergeev, A.I. (1983), *Rol' partiyno-sovetskoy pechati v ideyno-politicheskoy bor'be s melkoburzhuaznymi partijami (noyabr' 1917–1920 g.)* [The role of the Party-Soviet press in the ideological and political struggle with petty-bourgeois parties (November 1917–1920)], Izd-vo Leningradskogo un-ta, Leningrad, Russia, 161 p.
- Steklov, V.Yu. & Yu.K. Filonovich (1976), *Yuriy Mikhaylovich Steklov* [Yury Mikhaylovich Steklov], Mysl', Moscow, Russia, 1976, 104 p.